

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 336.02

DOI: 10.17223/19988648/42/1

В.З. Баликов

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: М. ФРИДМАН ПРОТИВ ДЖ. КЕЙНСА

В статье анализируются проблемы острой нехватки кредитных и денежных ресурсов в экономике России в ходе рыночных преобразований. Обращается внимание на экономическое противоречие между банковской системой и реальным сектором экономики. Противоречие заключается в том, что в России все годы реформ с целью борьбы с инфляцией осуществляется политика дорогих денег. На конкретном статистическом материале автор показывает, что такая борьба с инфляцией имеет противоположный результат: реальная норма накопления оказывается ниже, чем где бы то ни было среди развитых стран. Указанное противоречие значительно обостряется в ходе текущего экономического кризиса из-за санкционной политики Запада в отношении России.

Ключевые слова: ставка рефинансирования, ключевая ставка, дорогие деньги, дешевые деньги, инфляция, коэффициент монетизации, эмиссия денег, монетаризм, кейнсианство.

После краха Бреттон-Вудской валютной системы одной из наиболее актуальных макроэкономических проблем во всех странах стала борьба против инфляции и за устойчивое денежное обращение. Иначе говоря, актуализировалась как никогда проблема определения количества денег, необходимых в обращении. Причина одна, но капитальная – курс валют, потерявших золотое обеспечение, напрямую стал зависеть от производимого в стране ВВП. В итоге, в отличие от обращения денег, обеспеченного золотом, регулирование денежной массы в экономике превратилось в функцию государственной социальной и экономической политики и стало конституционной функцией Центробанка [1]. Однако Центробанк России с этой функцией справляется весьма своеобразно, заключающейся в конечном итоге в острейшей нехватке платежных средств, особенно денежной массы, вызванной искусственно им самим. В России объем производимого ВВП равен 80 трлн руб. Чтобы его обслужить, по оценкам Яна Арта – вице-президента Ассоциации региональных банков России, необходимо 25 трлн руб. [2. С. 7]. В Центробанке такая необходимая сумма есть, но более 17 трлн руб. из них находятся в его резерве и не вводятся в оборот. Ни на обслуживание ВВП, ни на кредитование предпринимательства. Это можно было бы делать за счет финансовых активов коммерческих банков

России, превышающих 80 трлн руб. Но высокая ключевая ставка ЦБ делает кредиты малодоступными, а для мелкого и среднего предпринимательства и вовсе недоступными.

В итоге подавляющая часть капитальных вложений финансируется за счет собственных средств предприятий, которых явно недостаточно, а доля производственных инвестиций в активах банковской системы составляет несколько процентов [3. С. 9].

Творцы современной экономической политики в России, начиная с 1992 г. (Е. Гайдар...) и по сегодня (А. Силуанов, Э. Набиуллина...), являются последовательными сторонниками монетаризма – экономической теории, нанесшей в ходе реформ колоссальный вред экономике страны и повлекшей исключительные негативные социальные последствия.

Монетаризм рассматривает деньги в качестве решающего фактора общественного воспроизводства, так как:

1. Общественное производство и динамика изменений денежной массы в стране носят циклический характер. Но поскольку цикл движения денежной массы опережает таковой общественного производства, регулируя денежную массу, можно воздействовать на темпы роста или падения производства.

2. Скорость обращения денег в экономике весьма стабильна или меняется так медленно, что это изменение можно заметить только в течение длительного времени. Иначе говоря, скорость обращения денег является константой.

3. Следовательно, любое изменение денежной массы, будучи прямо связано с номинальным ВВП, будет менять его величину. В этом легко убедиться на изменениях монетарной формулы определения количества денег:

$$MV = PQ \text{ (ВВП).}$$

Если V постоянна, то вполне очевидно, что величина PQ прямо зависит от M :

$$M = \frac{PQ}{V} = PQ.$$

4. Все колебания номинального ВВП (PQ) зависят от тех или иных решений правительства, его экономической политики, а также политики Центрального банка, регулирующей количество денег в обращении. Следовательно, нет никакой необходимости государственного вмешательства в экономику, а кейнсианство как экономическая теория – уже пережиток прошлого.

5. Таким образом, государство может регулировать экономику, формируя спрос на деньги, так как этот спрос тесно взаимосвязан с динамикой цен, движением ссудного процента и инфляции.

Итак, монетаризм представляет собой экономическую теорию, опирающуюся на главенствующую роль денег, денежной массы в хозяйственной деятельности, в экономике в целом и особенно в формировании цен и инфляции. Именно поэтому монетаристы, выступая против государственного

вмешательства в экономику, признают его роль только в контроле над денежной массой и в управлении эмиссией денег, государственным бюджетом, а также в поддержании достаточно высокого уровня ссудного процента.

Поскольку, по мнению монетаристов, социальная политика демотивирует экономическую деятельность, необходимо ограничить экономические функции государства, сократить государственные расходы и уменьшить удельный вес государственного сектора. Государство может регулировать только то, что ему реально и предсказуемо удастся – учетную ставку.

Иными словами, главная функциональная цель государственного регулирования экономики – через Центробанк – борьба против инфляции.

Очевидно, что теория монетаризма очень интересна, но во многом сомнительна из-за многочисленных допущений. В частности, все ее постулаты работают только при постоянной скорости обращения денег. А отказ государства от хорошо продуманной и эффективной социальной политики может привести к непредсказуемым, просто катастрофическим последствиям любую страну, даже самую экономически мощную. Но именно на ее основе, игнорируя слабости теории и переходный характер российской экономики, Центробанк формирует свою финансово-кредитную и денежную политику, центральной идеей которой является борьба с инфляцией. При этом ЦБ, вместо того чтобы создавать деньги для кредитования хозяйственной деятельности, в последние три года изъясил из экономики 8 трлн руб., тем самым усугубив ситуацию в экономике с оттоком 200 млрд долл. зарубежных кредитов и инвестиций [3. С. 9]. Между тем победные реляции ЦБ в эти же годы пытаются нас убедить в том, что эта борьба успешная. Так ли это в действительности?

Очевидно, что ЦБ является верховным регулятором и проводником финансово-кредитной политики страны. Главными рычагами воздействия ЦБ на экономическое развитие являлась ставка рефинансирования, а с 2013 г. – ключевая ставка. Однако необходимо понимать, что ключевая ставка – величина субъективная, поскольку она устанавливается людьми, пусть даже очень квалифицированными и опытными. Пусть исходя из самых добрых намерений и объективных стечений обстоятельств. Но приняв решение об изменении ключевой ставки, они уже ничего в дальнейшем изменять не могут, ибо, спущенная вниз законодательно, она живет по своим законам и им приходится ждать только спрогнозированного результата, который уже как свершившийся факт будет объективен априори. В нашем конкретном случае – снижение уровня инфляции, как постоянно повторяет ЦБ.

Инфляция – великое зло, а со злом необходимо бороться. И ЦБ борется с этим злом. По-монетаристски. Регулируя ключевую ставку. То есть проводит политику дорогих денег. По логике ЦБ – нет денег, нет и инфляции. Увы, их логика – это экономическая и финансовая иллюзия, которая неумолимо и объективно реализуется в устойчивую инфляцию. ЦБ своей политикой борьбы с инфляцией неизбежно порождает ее, вопреки всем постулатам монетаризма. Предлагаемый ниже график (рис. 1) убедит читателя в правоте автора этих строк, так как он построен исключительно на

статистическом материале самого Центробанка. Только вот выводы из него следуют другие.

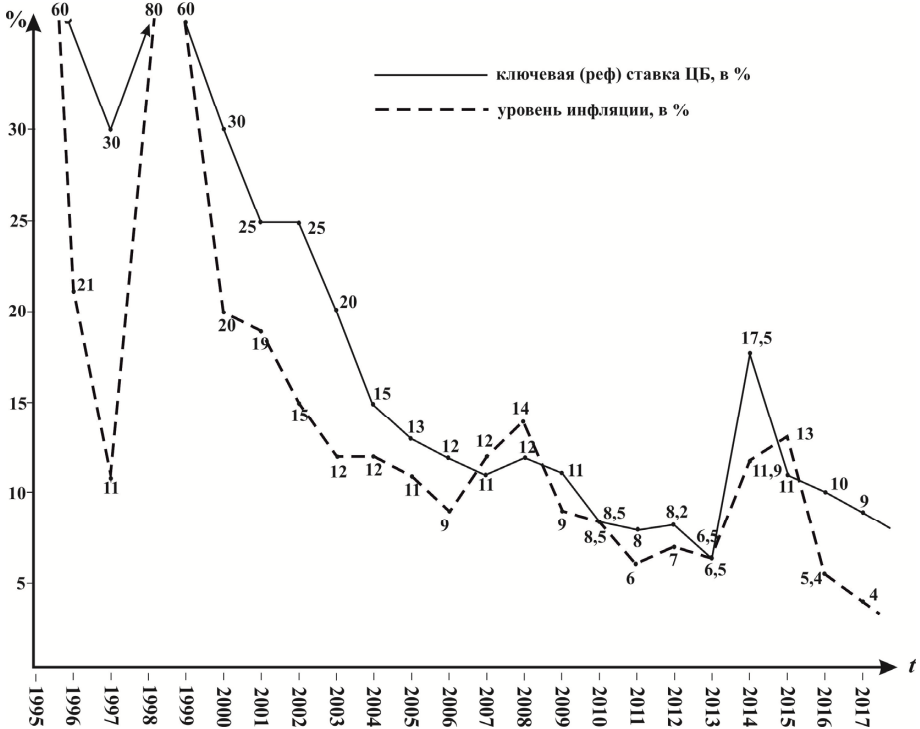

Рис. 1. Динамика ключевой ставки ЦБ и уровень инфляции

Сплошная линия характеризует динамику ставки рефинансирования за 22 года, с 1995 г.

С самого начала реформ – 1992 г. – ставка рефинансирования устойчиво была выше 100%. К 1997 г. она постепенно снизилась до 30%. Потом, следуя логике ЦБ, она в результате августовского 1998 г. дефолта взлетела до 130% и к уровню 30% вернулась только в 2000 г. Далее она прогрессивно падает до уровня 11% в 2006 г., а вместе с этим прогрессивно снижается и инфляция, затем в годы кризиса поднимается до 12% в 2008 г., но и инфляция вырастает до 14%.

Теперь обратите внимание на динамику пунктирной линии – линию инфляции. Как она послушно следует за динамикой ставки рефинансирования. Но далеко не в том смысле, что пытается нам всем внушить ЦБ. Совсем наоборот. Чем ниже ставка рефинансирования, тем ниже уровень инфляции. При этом прогрессивно, хотя, по мнению ЦБ, все должно было бы быть наоборот.

2007 и 2008 гг. убедительно подтверждают замеченную автором тенденцию. ЦБ повышает ставку рефинансирования с 11 до 12%, и тут же инфляция

подскакивает с 12 до 14%. Как только в 2009 г. ставка рефинансирования опускается снова до 11%, инфляция стремительно падает до 9%. Еще более показателен пример 2014 г. В конце 2013 г. и окончательно в 2014 г. ключевая ставка с 6,5% стремительно взлетает под тем же благовидным предлогом борьбы с инфляцией до 17,5%, и вместо того, чтобы инфляция снизилась, как утверждал ЦБ, она с 6,5% за год удваивает свою величину – до 13%. И снова та же тенденция на последних отрезках графика. За снижением ключевой ставки следует падение уровня инфляции. ЦБ подает это как свой несомненный успех. Но низкий уровень инфляции сегодня вовсе не успех ЦБ в его политике борьбы с инфляцией, а результат воздействия двух факторов:

– падения доходов населения, чья покупательная способность за эти три года упала от 20 до 40% в различных слоях населения. Просто упал потребительский спрос;

– санкционной политики Запада и антисанкционной экономической деятельности, развернувшейся в российской экономике. Сократив импорт дорогой готовой продукции, мы значительно уменьшили ее влияние на рост цен внутри страны, а активная политика импортозамещения благотворно сказалась на ценах в этом же направлении.

Что главное на этом графике? Он опровергает абсолютно убедительно всю аргументацию Центробанка об успешности борьбы с инфляцией с помощью политики дорогих денег. Факты на графике, как и везде, вещи очень упрямые. Однако ЦБ продолжает твердую линию бывшего министра финансов Л. Кудрина, ныне руководителя группы по разработке плана перспективного развития российской экономики. В свое время МВФ дважды признавал его лучшим министром финансов во всем мире. Что же касается г-жи Набиуллиной, то оценку ее работе дала Кристин Лагард (тот же МВФ): «Центробанк России проделал фантастически успешную работу за кризисный период». Набиуллина же еще дважды за эти три года признавалась Европейским центробанком лучшим председателем ЦБ в Европе. За что же дана такая высокая оценка их работе? Заслуги Кудрина очевидны – около 600 млрд долл. наших резервных фондов хранятся в ценных бумагах США и работают не на российскую, а на американскую экономику. И это в то время, когда российские предприниматели, испытывая острейшую нужду в кредитах, могут их получить в наших же банках только под 25–30%. А что же Набиуллина? Разве она и ее соратники учили только монетаризм и ничего не слышали о кейнсианстве? Кейнсианство в своей главной идее – государственное регулирование экономики – принципиально непроверяемо сегодня. И экономическая, и социальная значимость этой идеи в связи с ускорением НТП, процессов глобализации и обострением конкурентной борьбы между странами в перспективе будет только расти. Напомню коротко основные идеи кейнсианства.

Обычно, характеризуя кейнсианство, экономисты совершенно справедливо подчеркивают его зерно, суть, центральную идею – государственное регулирование экономики. Однако это обобщенно. В действительности

данная обобщенная идея выражается в следующих методологических позициях:

1. Рыночная экономика потеряла способность поддерживать макроэкономическое равновесие, тем более поддерживать его в длительной перспективе, поэтому она нуждается в государственном регулировании.

2. Поскольку производство в значительно большей степени определяется факторами спроса, а не факторами предложения, важнейшие проблемы общественного воспроизводства необходимо решать с позиции эффективного спроса, который выражает равновесие между потреблением и производством, доходом и занятостью.

3. Основным инструментом государственного регулирования экономики является его бюджетная политика, направленная на рост эффективного спроса.

Дж. Кейнс объясняет, как импульсы от изменения эффективного спроса распространяются в экономике: при данной склонности к потреблению уровень совокупного дохода определяется размерами инвестиций; при заданной предельной эффективности капитала (ожидаемая доходность новых капитальных благ, соотнесенная с их рыночной ценой) объем инвестиций определен процентной ставкой; при заданном предпочтении ликвидности норма процента определена уровнем совокупного дохода и количеством денег.

Главная особенность теории денег Кейнса – это обоснование предпочтения ликвидности, центральным моментом которого является представление о деньгах не только как о средстве обращения, но и как о запасе богатства, а в условиях неопределенности – средстве защиты от экономической несостоятельности. Это заставляет в условиях кризиса увеличивать объем сбережений. От предпочтения ликвидности не отвлекает даже возможность получения более высоких доходов при большей процентной ставке. В этот момент процент перестает влиять на кассовые остатки. Предпочтение ликвидности становится абсолютным. В экономике возникает «ликвидная ловушка».

В свете рассматриваемой проблемы кейнсианство утверждает, что:

1) предпочтение ликвидности может держать процентные ставки на слишком высоком уровне;

2) в условиях неопределенности наиболее разумная политика в области заработной платы состоит в поддержании устойчивого общего уровня денежной заработной платы;

3) воздействие на процентную ставку государство может и должно оказывать через прямые государственные инвестиции, которые выступают как средство стабильности на рынке капиталов.

Главная идея этих рассуждений Кейнса заключается в том, что высокий процент ведет к торможению процесса накопления. Экономика, по словам Кейнса, оказывается в ловушке, которую сама же себе и поставила. Именно в такую ловушку угодила российская экономика за 2014–2016 гг. Обратите внимание! За указанные три года кризиса российские банки и корпо-

рации увеличили свои прибыли на 75%, а инвестиции в производство сократились на 40%. Парадокс! При росте прибылей наблюдается отрицательное накопление.

Как видно из сказанного, Кейнс из примерно такой же экономической ситуации, как сегодня в России, делает совершенно противоположный монетаризму вывод – необходимо снижение нормы процента и решительное государственное вмешательство в экономику. Все послевоенное (1945 г.) экономическое развитие мира свидетельствует об активном внедрении кейнсианских методов регулирования финансово-кредитного механизма рыночной экономики. Удивительно то, что и в 2008 г., и в 2014 г. все страны строго следовали Кейнсу, кроме России. Если в США в 2008 г. ключевая ставка упала до нуля процентов, в Западной Европе до 1,25% и эти показатели до сих пор сохраняются и стимулируют экономическое развитие, то в России ключевая ставка взлетает до 13% в 2008 г., а в 2014 г. – до 17,5%. Россия постоянно в условиях кризиса ставит своих предпринимателей в еще более критические ситуации, обрекая их на голодный кредитный паек. И это в самой богатой деньгами стране. Ни одна страна в мире не располагает такими финансовыми ресурсами по отношению к величине национального ВВП. Россия – страна парадоксов. Банки «не знают, куда девать деньги» (Г. Греф), а предприниматели задыхаются от их нехватки.

Что должен делать ЦБ в такие дефицитные на деньги времена? Ответ опять-таки азбучный. Снижать процентные ставки в соответствии с духом кейнсианства. Тем более в такой вертикально выстроенной стране, как Россия. Среди 50 наиболее развитых стран, которые чаще всего упоминаются в экономических сводках, нет ни одной, которая бы во времена кризисов не проводила политику дешевых денег. Кейнс нас зовет в трудные для предпринимателей времена приходить им на помощь политикой дешевых денег, а мы, вопреки его учению и мировому опыту, делаем все наоборот.

В то же время рис. 1 свидетельствует об очень неприятном совпадении двух тенденций. Это, конечно же, вполне может быть чистой случайностью.

Речь идет о том, что ключевая ставка ЦБ взлетает до 17,5% в тот момент, когда в 2014 г. западные санкции отрезали наших предпринимателей от западных источников финансирования, где они могли кредитоваться под 3–4%. Значительно более дешево, чем в самой России. Таким образом, удар по российской экономике был нанесен синхронно с двух сторон: внешней – санкции и внутренней – взлетевшая ключевая ставка. Как будто обе стороны скоординировали свои действия. В сложившихся условиях ЦБ как минимум не должен был менять ключевую ставку, а, как максимум, должен был ее снизить, чтобы смягчить санкционный удар. Он не сделал ни того, ни другого. Как известно, он поступил наоборот.

Но какой потрясающий экономический и социальный результат это дало? По мнению С. Глазьева, страна не дополучила в годы кризиса около 10 трлн ВВП из-за такой кредитной политики ЦБ. Азбучный материал по упущенным возможностям.

Был ли выход из сложившейся ситуации? Был. Он есть и сейчас. ЦБ просто обязан был включить печатный станок. То есть эмитировать так необходимые национальной экономике деньги. Ведь коммерческим банкам выгоден дефицит денег. Он помогает держать высокую норму процента. Но это банки коммерческие. А ЦБ – банк мало что не коммерческий, он еще и государственный, т.е. прибыль для него не является приоритетным направлением деятельности. Но ЦБ не эмитирует деньги под тем же благовидным предлогом – борьбы с инфляцией.

Главной целью денежной политики во всех успешно развивающихся странах, пишет С. Глазьев, является создание условий для максимизации инвестиционной и инновационной активности. При низких сбережениях и доходах населения, неразвитом финансовом рынке эмиссия используется для целевого финансирования инвестиций. Эта политика успешно применяется со 2-й половины XIX в.: Гамильтоном в США, Витте в России, Госбанком в СССР, в послевоенной Японии и Западной Европе, в современных Китае, Индии, странах Индокитая. Все страны, совершившие экономическое чудо, использовали крупномасштабные денежные эмиссии для кредитования инвестиций [3. С. 10].

Надо признать, что между эмиссией денег и инфляцией имеется более предметная, существенная связь, чем между ключевой ставкой и инфляцией. Эмиссия денег может вызвать инфляцию. Но в каких условиях? Когда уровень монетизации ВВП страны – обеспеченность национальной экономики деньгами – высокий, а эмитируемые деньги просто вбрасываются в экономику для решения текущих социальных проблем и не связаны непосредственно с производством.

Под уровнем монетизации ВВП обычно понимают обеспеченность денежной массой его оборота, выражающуюся коэффициентом монетизации.

По данному вопросу в теории и особенно на практике «наломано» столько дров, что становится очевидным – на этой проблеме сошлось слишком много экономических и политических интересов. Однако мировая тенденция показывает, что средний коэффициент монетизации ВВП выше 100%. По оценкам эксперта Внешэкономбанка России В. Андрианова, анализ статистики 214 стран мира показал, что за последние 50 лет средний уровень монетизации мировой экономики вырос с 51% в 1961 г. до 122% в 2011 г. [4. С. 5]. Учитывая мировую тенденцию, этот показатель действителен и сегодня. Тем не менее цифра в 122% – это средний показатель.

Однако нас интересуют показатели стран, сопоставимых по экономическому развитию с Россией. А они в ведущих экономических странах таковы: в Японии – 2,47, в Китае – 1,96, в Швейцарии – 1,90, в Англии – 1,60, во Франции – 1,55, в США и Швеции – около 1,0. Если же эти показатели монетизации скорректировать с учетом соответствующего странового вклада в мировой ВВП (свыше 70%), то они становятся еще весомее экономически и значительно более информативнее. Но какая интересная и удивительная картина вырисовывается – в самых развитых странах мира коэффициент монетизации выше среднего мирового уровня. И намного.

Только в США коэффициент равен 1,0. Но он не опровергает общей тенденции, так как их валюта является мировой – у нее гораздо больше функций, чем только средство обращения и платежа. Более того, денежная масса в долларах вне пределов США значительно превышает объем денежной массы в самих США. При этом она свободно перетекает как из США в другие страны, так и обратно в США. Следовательно, реальный коэффициент монетизации ВВП США выше, чем где бы то ни было.

Россия, как всегда, случай национально особенный, специфический, а потому не очень понятный. В советской плановой экономике коэффициент монетизации был равен 0,73. Для плановой экономики этого было более чем достаточно, так как денежное обращение очень жестко регулировалось, да и функции денежного агрегата M_2 для населения не очень четко проявлялись. После начала реформ инфляция приобрела такие масштабы, что сбалансированная ранее денежная политика России просто рухнула. Перед Центробанком встала первоочередная задача – обуздать инфляцию. Поскольку реформаторы были яркими сторонниками монетаризма, они использовали только один рычаг борьбы с инфляцией в соответствии с проповедуемой им доктриной – шоковое сжатие денежной массы. Чтобы не допустить больших темпов инфляции, они снизили коэффициент монетизации с 0,73 в 1990 г. до 0,15 уже в 1995 г. Всего-то за 5 лет. В принципе правительство лишило российскую экономику денежных средств для развития, которые не обеспечивали даже распределение и потребление ВВП. Произошел уникальный случай в истории одной из крупнейших в мире держав. Посчитав доллар универсальным средством платежа, наши реформаторы привязали эмиссию денег не к уровню производства ВВП страны, а к иностранной валюте, находящейся в обороте в этой стране. Если взять все находящиеся в обороте средства обращения и платежа в экономике России в 1992–1994 гг., то из 100% 31% обслуживания оборота ВВП приходился на национальную валюту, 34% – на доллар, а 35% – на бартер, денежные суррогаты и остальные иностранные валюты.

Какой-то невероятный экономический абсурд. Наличных и безналичных долларов в экономике России было больше, чем рублей. В 2000 г. коэффициент монетизации России официально был равен 0,29, или 29%. При этом коэффициент монетизации в рублях составлял 12,4%, а в долларах – 16,6%. Здесь речь идет вовсе не о валютном курсе, а о том, что две эти валюты параллельно выполняли одни и те же функции. Бартерные сделки и расчеты денежными суррогатами насчитывали 5,2%. Итого, общий коэффициент монетизации российской экономики в 2000 г. составил 0,342. Удивительно, что экономика нашей страны в этих условиях не только выжила, но еще и сделала экономический рывок до 2008 г. [5. С. 290]. Можно лишь констатировать поразительную живучесть российской экономики.

Между тем известно, что в успешно развивающихся странах рост производства сопровождается опережающим ростом инвестиций, которые финансируются за счет соответствующего увеличения банковского кредита. Так, 10-кратный рост ВВП в Китае с 1993 по 2016 г. сопровождался ростом

инвестиций в 28 раз, денежная масса и банковский кредит производственной сферы – соответственно в 19 и 15 раз. На единицу прироста ВВП приходится почти три единицы прироста инвестиций и около двух единиц прироста денежной массы и кредита [3. С. 10].

А в России коэффициент монетизации ее ВВП достиг своего максимума в 2012 г. (после запрета внутреннего обращения иностранной валюты) и составил 0,471. Это в 6 раз меньше, чем в Японии сегодня, в 4 раза меньше, чем в Китае, и в 2,5 раза меньше, чем в странах ОЭСР.

Как известно, коэффициент монетизации экономики определяется отношением M_2 к стоимости ВВП. Именно поэтому изменения M_2 являются прерогативой государства. А оно может изменять M_2 или изъятием денежной массы из обращения (сокращение монетарной базы), или ее эмиссией, расширением. Поскольку речь у нас идет о крайне низком коэффициенте монетизации российской экономики, то подразумевать можно только эмиссию денег.

Эмиссию денег, или расширение денежной массы, государство в мирное время осуществляет в двух случаях.

Первое. Когда у банков не хватает кредитных средств, а спрос промышленных предприятий и иных хозяйствующих субъектов на кредиты растет и при этом в стране наблюдается экономический рост. Деньги должны попадать только на те предприятия, которые производят востребованную на рынке продукцию, технологически новую, наукоемкую, с высокой добавленной стоимостью и т.д. То есть таким образом, чтобы не спровоцировать рост цен и одновременно с экономическим ростом совершенствовать ее отраслевую и технологическую структуру.

Второе. Необходимость эмиссии денег тоже лежит на поверхности экономических явлений. Если экспорт отечественной продукции, в данном случае независимо от его структуры, превышает импорт иностранной продукции в валютном выражении, национальная валюта укрепляется, а, следовательно, экспортные возможности страны ухудшаются.

В нашей современной отечественной экономике вот уже в течение 25 лет обе необходимые экономические предпосылки эмиссии денег налично. Речь может идти только об обострении или ослаблении этой необходимости. Но печатный станок не включается. Хотя сегодня никому не надо доказывать, насколько эта необходимость острая. В итоге российские предприниматели и финансовые структуры занимают деньги больше за рубежом, чем у себя на внутреннем рынке. Даже облигации и другие государственные ценные бумаги в большей части (60%) размещались за рубежом, чем на внутреннем рынке (40%).

Но что удивительно, усилиями ЦБ денежная масса относительно ВВП сокращается и экономический рост постепенно замедляется. Да так, что в последние восемь лет российская экономика переживает уже второй экономический кризис. В то же время экономическая и хозяйственная практика показывают, что инфляция и уровень монетизации не имеют статистически значимой зависимости. Более того, их тренды в динамике расходятся (рис. 2).

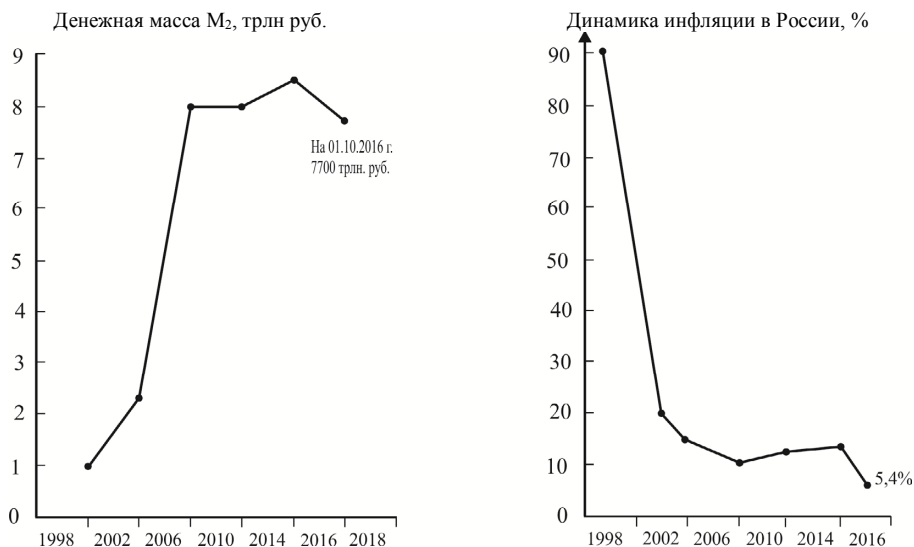

Рис. 2. Сравнительный анализ динамики роста денежной массы и изменение среднегодового уровня инфляции.

Составлено автором по данным Росстата и статистики Центробанка [8]

Это хорошо видно на графиках. Чем более растет денежная масса на левом графике, тем меньше становится уровень инфляции на правом. Конечно, уровень инфляции падает не потому, что денежная масса растет. Между этими показателями не существует столь очевидной связи. Наоборот, графики показывают, насколько они независимы друг от друга при коэффициенте монетизации ниже 1,0. Связь между ними возникает только при очень высоких коэффициентах монетизации, когда Центробанк начинает злоупотреблять эмиссией. Как, например, ФРС в США в последние 25 лет. Следовательно, пока коэффициент монетизации в России не вырастет с 0,47 до 1,0, бояться эмиссии денег по причине возможного роста инфляции не стоит. Пример Японии, Китая, Германии, Франции нас в этом убеждает. Между тем из мировой практики хорошо известно, что ни одна страна в мире, повторяю, ни одна, не сделала экономического рывка, не могла держать просто хороших темпов экономического роста с коэффициентом монетизации ниже 1,0. Никогда в экономической истории. Ни один экономист или политик, историк не опровергнет этот факт. А поскольку графики построены на основе конкретного статистического материала, взятого из данных Росстата и самого Центробанка, читатель может сверить показатели на них сам.

Центробанк в своей монетарной политике не учитывает характер еще одного важнейшего фактора финансово-кредитного механизма рыночной экономики – степени развитости самого финансового рынка. Когда финансовый рынок достаточно развит, он вызывает доверие у населения и бизнеса и они ему доверяют свои деньги, тем самым увеличивая денежную базу

экономики. Если финансовый рынок развит, то инфляционное давление от дополнительной эмиссии будет снижаться благодаря перераспределению ресурсов институтами финансового посредничества в производственный сектор и инвестиции. Именно поэтому наиболее высокий коэффициент монетизации наблюдается в странах с развитыми финансовыми рынками: Австралии, Великобритании, Гонконге, Сингапуре, Швейцарии [6. С. 120].

Как понять в свете тревог Центробанка в борьбе против инфляции методами сжатия денежной массы следующие неопровержимые факты? В кризисный 2009 г. Китай, с наибольшим коэффициентом монетизации в 179%, показал самый большой рост ВВП в 9,2%. Подчеркиваю, в кризисный год. При этом именно в этот год в Китае наблюдался наибольший прирост денежной массы и дефляция в 0,4%. Экономисты помнят, сколь лихорадочно Китай искал пути снижения курса национальной валюты – юаня, вызывая на себя всю политическую и экономическую ярость Министерства финансов США.

В России в том же 2009 г. при монетизации в 0,47 (47%) произошел наибольший спад ВВП в 7,8% и наблюдалась наибольшая инфляция среди ведущих стран – в 11%.

Повторив этот же анализ в 2013 г., накануне новой волны кризиса А. Казьмин наблюдал схожую картину. Россия, имея наименьший коэффициент монетизации в 55% (А. Казьмин), получила наименьший процент прироста ВВП – в 1,3% и инфляцию в 7,5%. Китай с уровнем монетизации теперь уже в 194% получил наибольший прирост ВВП в 7,3% и инфляцию в 2,6%. Напомню лишь, что в среднем коэффициент монетизации ВВП в странах ОЭСР равен 1,50. Самый низкий коэффициент у Швеции – 1,0. И по темпам роста экономики она отстает от своих соседей. Китай же продолжает наращивать данный коэффициент, доведя его до 2,34 в 2016 г.

Итак, который раз делаю вывод – необходима и, главное, возможна эмиссия денег. Следовательно, теперь речь пойдет о том, как, каким образом, через какие каналы финансово-кредитного механизма эмитируемые деньги попадут в экономику. Ответ достаточно прост. Через нервные узлы экономики: строительство, машиностроение, наукоемкие производства, информационные технологии, в общем через производство продукции с высокой добавленной стоимостью. Более того, через прямое финансирование государственных экономических программ. То есть таким образом, чтобы деньги прошли производственный цикл несколько раз, как можно больше и дольше, прежде чем попасть в руки непосредственных потребителей в виде доходов. Тогда и значимой инфляции не будет. Это азбучная истина.

Автор намеренно не писал до сих пор о характере современной инфляции в России, исходя из той инфляции, которая свойственна обычно рыночной экономике. Однако вся аргументация ЦБ о борьбе против инфляции разбивается еще и о тот простой факт, что инфляция в России носит немонетарный характер. Иначе говоря, причиной инфляции в нашей экономике вовсе не является наличие большой денежной массы, как считают в Центробанке. А потому все его усилия как будто уходят в песок. Каковы же реальные причины инфляции в России?

1. Первой и главной причиной инфляции в России изначально является сырьевой характер ее экономики. Причина древняя, давняя и существует столько, сколько существует сама Россия. Конкурентная слабость России, которую она не может ликвидировать никак. Логика действия этой причины проста. Экспортируем дешевое сырье – импортируем дорогую готовую продукцию, а вместе с ней – инфляцию.

Внутренний рост цен, по существу, подхлестывали аппетиты естественных монополий. Эти аппетиты государство ограничивало весьма слабо и sporadически. В итоге в стране, где находятся самые богатые ресурсы углеводородов, сложилась такая картина, когда слетать на самолете из Новосибирска до Сочи стоит дороже, чем из Москвы до Нью-Йорка и обратно. Из Владивостока в Москву лететь напрямую дороже, чем из Владивостока в Пекин, а оттуда в Москву.

2. Другая причина инфляции – утечка капитала из страны. Так, например, из России за годы реформ отток капитала составил около 650 млрд долл. В 2014 г. – 154, в 2015 г. – 56, а в 2016 г. уже всего 16 млрд долл. [7. С. 1]. Тенденция обнадеживающая, если ее сохранить.

3. Высочайший уровень монополизации экономики и, естественно, слабое развитие конкуренции. Монополии господствуют в ключевых сферах экономики: энергетике, транспорте, строительстве, розничной торговле, банковской среде и т.д. Генерация инфляции идет по многим каналам. Центробанк и коммерческие банки создают дефицит денег в условиях олигополистического рынка, способствующего росту процентных ставок. Иначе говоря, ЦБ ведет очень прибыльную политику для банков.

4. Чтобы привлечь свободные деньги населения и бизнеса, банки повышают ставки по депозитам. Вроде бы и хорошо и прибыльно для вкладчиков денег в банк. Но на самом деле деньги вкладывают одни, а берут кредиты – другие. Конечно, иногда это одни и те же лица. Поэтому, с одной стороны, происходит перераспределение денежных ресурсов, а с другой – включив ставки по депозитам в процентную ставку, повышают саму процентную ставку. Сегодня ставки по депозитам в России выросли до 9,5%. Добавьте к ним ключевую ставку и банковский процент и вы получите процентную ставку в 20–30%. Что и говорит об исключительной дороговизне денег в России.

5. Банк взимает маржу при различных банковских операциях. Как мы платим нотариусу определенный процент от суммы сделки, которую он заверяет, так банку платим маржу. Он сам определяет ее величину, но платим мы. Так вот, банковская маржа в России сегодня 5,2%. Много это или мало? Сравните! В странах ОЭСР банковская маржа равна 1,4%, в странах Восточной Европы – 2,7%. Учитывая тот факт, что сегодня все без исключения денежные операции проходят через банки, нетрудно убедиться в действительности этого фактора инфляции.

6. Ключевая ставка Центробанка все время реформ находится выше средней рентабельности всех отраслей реального сектора, что перераспределяет и так скудные накопления производственного сектора в пользу банковского сектора.

7. Все перечисленные выше факторы инфляции совокупно формируют еще одну, седьмую, самостоятельную причину ее – искусственно созданную аномально высокую стоимость денег. Она ведет к высокой себестоимости продукции, а стало быть, к росту цен. Так возникает еще одна причина инфляции – дефицит денежной массы. О чем и шла речь изначально. Но теперь мы подошли к этой проблеме с другой стороны. Когда предприятия лишены доступа к денежным ресурсам (кредитам), которые крайне необходимы на развитие предприятия, они вынуждены опираться только на свои ограниченные возможности.

8. При этом заметим еще одну, очень важную и интересную закономерность, генерирующую инфляцию. В развитых странах уровень ставок рефинансирования ниже процента инфляции, а в развивающихся странах, увы, и в России тоже, уровень ставок выше инфляции, что значительно затрудняет доступ субъектам рынка к финансовым ресурсам [6. С. 121].

Как указывалось выше, до сих пор я анализировал проблему определения уровня монетизации именно рыночной экономики. Однако я уже достаточно убедительно показывал и не раз, что рыночной экономики в России еще нет [9. С. 223–255]. А это значит, что в область этой проблемы в условиях переходной экономики вторгается множество других, неэкономических, факторов. Более того, смею утверждать, что экономические факторы, определяющие коэффициент монетизации, отступают на второй план, а на первый выходят факторы политические. Иначе ничем не объяснить столь странную, экономически нелогичную политику младореформаторов в 90-е гг. и Центробанка сегодня, направленную на постоянное сокращение монетарной базы экономики.

Если власть предрержащие так упорно не замечают столь явные причинно-следственные связи между уровнем монетизации экономики и экономическим ростом, инфляцией, экономическим развитием и т.д., следовательно, кому-то это очень выгодно. Очевидно, что когда в стране дефицит денежной массы, от него выигрывают прежде всего те хозяйственные субъекты, у которых эта денежная масса не просто имеется, а имеется с избытком. Вспомним недавнее высказывание председателя Сбербанка Г. Грефа о том, что они не знают, куда девать деньги. Недаром он же, уже в который раз, озвучивает идею о приватизации знаменитой семерки банков с государственным участием. Если это произойдет, приватизация в лихие девяностые покажется нам детской игрой. Ведь в этой семерке банков сосредоточено примерно 75% всех финансовых средств страны. Это выгодно самому Центробанку, Министерству финансов, упомянутой семерке банков, нефтегазовым и другим добывающим предприятиям (Газпром, Роснефть и т.д.), Русалу, Мечелу... Получается – государству, крупным банкам и корпорациям. Но выгодно ли будет это стране?

Кроме того, высокая ключевая ставка означает высокие кредитные ставки, зашкаливающие за 20, а то и за 30%. И никого не смущает, что кредиты становятся менее доступными. Связь между уровнем монетизации и ставкой за кредит становится совсем очевидной. Чем ниже уровень монетизации

экономики, тем выше процентные ставки. Следовательно, легко спрогнозировать дальнейшую борьбу Центробанка за сохранение низкого уровня монетизации российской экономики или фиксации его на данном уровне.

Подведем итоги:

1. Все 25 лет рыночных реформ российская экономика испытывает острейший дефицит кредитных ресурсов при их несомненном изобилии.

2. Кредитные ресурсы недоступными для предпринимателей делает высокая ключевая ставка Центробанка, порождающая высокие процентные ставки по кредитам.

3. Политика дорогих денег проводится Центробанком исключительно с целью борьбы с инфляцией и вместе с этим неизбежно порождает ее.

4. Одновременно с этим в России наблюдается самый низкий уровень монетизации ВВП среди 50 наиболее развитых стран мира. Таким образом, в экономике России ощущается острейшая нехватка денежной массы для обслуживания оборота ВВП.

5. Возникает синергетический эффект от политики дорогих денег ЦБ и низкого коэффициента монетизации ВВП, усугубляя финансово-кредитный и денежный голод в российской экономике.

6. Следовательно, государство свои финансово-кредитную и денежную системы не использует для обеспечения экономического роста и развития в стране. По существу, банковская система обслуживает сама себя, подрывая свою же экономическую основу – реальный сектор экономики.

7. Все вышеперечисленное обрекает реальный сектор российской экономики опираться только на свои внутренние ресурсы, а экономику России – на низкий уровень накопления, а следовательно, на заведомое отставание России в современном НТП, в экономическом и социальном развитии при гигантских упущенных возможностях и выгодах.

Совершенно очевидно, что экономического оправдания сложившейся ситуации в российской экономике нет. К сожалению, все 25 лет рыночных реформ политические факторы довлеют над экономическими, а вместе с этим обеспечивают торжество весьма сомнительной экономической теории монетаризма над кейнсианством, проповедуемым практически всеми странами мира, кроме России.

Литература

1. Демчук И.Н., Фадейкина Н.В. Неусвоенные уроки экономической доктрины Джона Мейнарда Кейнса // Сибирская финансовая школа. 2016. № 1 (114). С. 34–41.

2. Арт Ян. Так экономика работать не может // Коммерсантъ. Сибирь. 2017. № 180.

3. Глазьев С. Почему не растет российская экономика // АиФ. 2017. № 25. С. 9–10.

4. Андрианов В. Монетизация экономики: глобальные тенденции и российские реалии. URL: <http://ayackov.viperson.ru/articles/vladimir-andrianov-monetizatsiya-ekonomiki-globalnye-tendentsii-i-rossiyskie-realii> (дата обращения: 25.05.2016).

5. Катанаев Н.Т., Ларина Е.В. Монетарные проблемы российской экономики // Известия МГТУ. 2011. № 2. С. 288–293.

6. Казьмин А.Ю. Монетизация экономики как индикатор экономического развития государства: понятие, методология, современные тенденции // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 1 (31). С. 119–122.

7. Зыкова Т. Отток капитала из России снизился более чем втрое. URL: <https://rg.ru/2016/12/09/ottok-kapitala-iz-rossii-snizilsia-bolee-chem-vtroe.html> (дата обращения: 24.01.2017).

8. URL: [https://yandex.ru/images/search?text=динамика %20эмиссии%20денег%20в%20россии](https://yandex.ru/images/search?text=динамика+%20эмиссии%20денег%20в%20россии) (дата обращения: 24.01.2017).

9. Баликоев В.З. Финансово-кредитная система переходной экономики России: кризис или катарсис? Новосибирск : НГУАДИ, 2016.

Balikoev V.Z., Doctor of Economic Sciences, Professor, Novosibirsk state University of Economics and management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA: MIKHAIL FRIDMAN VS JOHN KEYNES

Keywords: the refinancing rate, the key rate, expensive money, cheap money, inflation, monetization ratio, issuance of money, monetarism, Keynesianism.

The article analyses the problem of acute shortage of credit and cash resources in the Russian economy in the course of market reforms. Attention is drawn to the economic contradiction between the banking system and the real sector of the economy. The contradiction lies in the fact that in Russia all the years of reforms aimed to fight inflation by a policy of expensive money. The author shows on specific statistical material that the fight against inflation has the opposite result: the real rate of accumulation is lower than anywhere else in the developed world. The conflict greatly exacerbated the ongoing economic crisis due to the sanctions policy of the West towards Russia.

References

1. Demchuk I.N., Fadejkina N.V. Neusvoennye uroki ehkonomicheskoy doktriny Dzhona Mejnarada Kejnса // Sibirskaya finansovaya shkola. 2016. №1 (114). С. 34-41.

2. Art Y.An. Tak ehkonomika rabotat' ne mozhet // Kommersant". Sibir'. 2017. № 180. С. 7.

3. Glaz'ev S. Pochemu ne rastet rossijskaya ehkonomika // AiF. 2017. № 25. S. 9-10.

4. Andrianov V. Monetizaciya ehkonomiki: global'nye tendencii i rossijskie realii. URL: <http://ayackov.viperson.ru/articles/vladimir-andrianov-monetizatsiya-ekonomiki-globalnye-tendentsii-i-rossiyskie-realii> (data obrashcheniya: 25.05.2016).

5. Katanaev N.T., Larina E.V. Monetarnye problemy rossijskoj ehkonomiki // Izvestiya MG TU. «MAMI». 2011. №2. S.288-293.

6. Kaz'min A.YU. Monetizaciya ehkonomiki kak indikator ehkonomicheskogo razvitiya gosudarstva: ponyatie, metodologiya, sovremennye tendencii // «Vestnik OrelGIEHT». 2015. №1 (31). S.119-122.

7. Zyкова Т. Отток капитала из России снизился более чем втрое. URL: <https://rg.ru/2016/12/09/ottok-kapitala-iz-rossii-snizilsia-bolee-chem-vtroe.html>. (data obrashcheniya: 24.01.2017).

8. Elektronnyj resurs. URL: [https://yandex.ru/images/search?text=динамика %20эмиссии%20денег%20в%20россии](https://yandex.ru/images/search?text=динамика+%20эмиссии%20денег%20в%20россии) (data obrashcheniya: 24.01.2017).

9. Balikoev V.Z. Finansovo – kreditnaja sistema perehodoj `ekonomiki Rossii: krizis ili katarsis? Monografija // Novosibirsk. NGUADI. 2016. S. 223 – 255.

For referencing:

Balikoev V.Z. Sovremennaya ekonomika Rossii: M. Fridman protiv Dzh. Kejnса [The modern economy of Russia: Mikhail Fridman vs John Keynes]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 42, pp. 6–21.